

Aleksander Kiklewicz

Лексический прототип, семантические окказионализмы и неопределеннозначность

Acta Polono-Ruthenica 8, 207-224

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Aleksander Kiklewicz
Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski

Лексический прототип, семантические окказионализмы и неопределеннозначность*

В зависимости от формата знака внутренняя форма различается некоторыми существенными свойствами. Так, морфологическая структура слова не обязательно отражает структуру объекта-денота-та – она может характеризовать предмет с функциональной точки зрения, указывая на поведение объекта в среде, ср.:

действие лица: *столярничать* (< *столяр*)
совокупность предметов: *созвездие* (< *звезда*)
часть предмета: *соломинка* (< *солома*)
вместилище предмета: *сахарница* (< *сахар*) и т.д.

Для высказывания же, как подчеркивает Б. А. Плотников, „мотивированность, или внутренняя форма, может быть только структурной, восходить к тем моделям организации слов в высказывании, число которых представляется исчислимым в любом языке [...]”¹.

Структурное сходство высказывания и обозначаемой им ситуации дает основание рассматривать основную коммуникативную единицу языка как знаковую модель референциальной ситуации. Это свойство высказывания принято связывать с понятием иконичности: высказывание организовано по принципу подобия с описываемой ситуацией. Для слова такая организация в целом не характерна, поэтому слово считается типичным представителем знаков-

---

* Статья представляет собой переработанный вариант доклада, прочитанного в 1999 г. в Седльцах на научной конференции „Leksyka a gramatyka w tekście językowym”. Доклад опубликован в материалах конференции: A. Kiklewicz, *Znaczenie w języku i tekście (o granicy między semantyką i pragmatyką)*, [w:] *Leksyka a gramatyka w tekście językowym*, Siedlce 2000, s. 7–28.

¹ Б. А. Плотников, *О форме и содержании в языке*, Минск 1989.

символов. Символичность слова подтверждается также многочисленными случаями деэтимологизации, когда, по определению А.В. Исаченко, преодолевается противоречие между дискретной природой знака и адискретной природой референта. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, структурное сходство имени и референта налицо, номинативное отношение между ними оказывается довольно сложным. Так, можно считать, что мотивировка существительного *сахарница* со значением ‘посуда для сахара’ вполне очевидна: корень слова указывает на содержимое (*сахар*), а суффикс – на вместилище (*посуда*). Но из этого следует, что суффиксу *-ниц* в современном русском языке мы должны были бы приписать значение ‘посуда, вместилище’. Данное значение суффикса *-ниц* оказывается, во-первых, не единственным, во-вторых, довольно редким: в современном русском языке рассматриваемый суффикс характеризуется значительной многозначностью – достаточно сослаться на такие слова, как *мельница*, *молочница*, *ключница*, *пятерочница*, *слушательница*, *дачница*, *победительница* и др. При интерпретации такого внушительного „разброса” значений одной и той же единицы возникает проблема: либо следует фиксировать все конкретные оттенки семантического варьирования единицы (как это и принято в практике традиционных толковых словарей), либо следует направить усилия на поиск общего, инвариантного значения или же нескольких обобщенных значений. При втором подходе полезным может оказаться теория неопределеннозначности В. В. Мартынова², в соответствии с которой знак указывает на абстрактный семантический инвариант и способы его актуализации в контексте. Если к дериватам типа *сахарница* применить критерий неопределеннозначности, то в их содержании окажутся не только семантические, но и прагматические компоненты, а это значит, что деривационная морфема является семантически неполным символом, т.е. таким, семантическая полноценность которого определяется в дискурсе и имеет в конечном счете конвенциональную природу.

На польском материале это убедительно показала Д. Шумская³: обобщая примеры многозначного и окказионального употребления

---

² В. В. Мартынов, *Принципы объективной семантической классификации*, [в:] *Реализационный аспект функционирования языка*, Минск 1995, с. 83–91.

³ D. Szumska, *Niebezpieczne związki, czyli meandry adiektywizacji*, „Паланістыка — Полоністыка — Polonistyka 1999”, Мінск 1999, s. 4–28; idem, *Rzecz o orzeczniku*,

польских относительных прилагательных в конструкциях типа *wiśniowy szampon* ‘szampon zrobiony na bazie kory z drzewa wiśniowego’, *bukowa szczotka* ‘szczotka posiadająca rączkę zrobioną z drewna bukowego’, *silikonowa ślicznotka* ‘kobieta, której biust jest wypełniony silikonem w celu zwykle dość znacznego powiększenia’, *owocowe kredki* ‘mające kolor i zapach owoców, dzięki dodaniu odpowiednich substancji zapachowych i barwników’ и т.п., исследовательница пишет о двух способах семантизации закодированных в значении прилагательного инвариантов – конвенциональном, опирающемся на семантические стандарты, и окказиональном, опирающемся на ситуативные предпочтения говорящего:

„W przypadku użycia standardowego [...] rekonstrukcja wyzerowanego predykatu, a wraz z nim skondensowanej struktury predykatowo-argumentowej odbywa się w oparciu o wiedzę potoczną, czyli poprzez odwołanie się do istniejących standardów semantycznych. Na przykład w przypadku połączenia *drewniana łyżka* standardy semantyczne stanowią skuteczny filtr blokujący interpretację analogiczną do *łyżka / łyżeczka deserowa*, a mianowicie ‘łyżka, która służy do jedzenia drewna’, bo wiedza potoczna podpowiada, że argument *drewno* w przeciwieństwie do *deseru* nie wchodzi w skład struktury predykatowo-argumentowej o mocy standardu z predykatem *jeść*, w której pierwszym argumentem byłby człowiek. W przypadku użycia niestandardowego, czyli kondensacji struktury predykatowo-argumentowej, nie posiadającej statusu standardu semantycznego, jej odtworzenie może być operacją niewykonalną, czyli taką, w której rekonstrukcja predykatu (predykatów przy większym stopniu kondensacji) zgodna z intencją nadawcy komunikatu będzie albo w ogóle niemożliwa, albo niemożliwa poza tekstem, w którym egzystuje”⁴.

Применение критерия неопределеннозначности Мартынова должно означать, что не только фиксирование определенного количества значений многозначного слова, но и фиксированное лексикографическое описание производного слова в традиционных толковых словарях – лишь фрагмент заложенного в структуре слова семантического потенциала. Так, существительное *сахарница* потенциально могло бы означать не только посуду для сахара, но и, например, девочку, которая любит сладкое (*Маша – такая сахарница!*).

czyli *meandry adiektywizacji II*, „Паланістыка — Полоністыка — Polonistyka 2000”, Мінск 2001, s. 6–21.

⁴ D. Szumska, *Niebezpieczne związki...*, s. 21.

Значения, отраженные в толковом словаре, – это часть из возможных речевых реализаций языкового семантического инварианта. С лексикографических описаний значений слов, таким образом, должен быть снят налет абсолютности и незыблемости.

Критерий неопределеннозначности оказывается весьма существенным в сопоставительных исследованиях⁵. Рассмотрим ряд русско-иноязычных параллелей. Русский глагол *чистить* описывается в словарях как многозначный:

1) 'удаляя грязь', 'пыль', 'делать чистым'; 'освобождать от чего-л. накопившегося, засоряющего, чуждого, вредного': *чистить (пылесосом) ковер, (щеткой) платье, зубы, коня, ногти, сапоги, дорогу, пруды;*

2) 'приготавливая в пищу', 'освобождать от верхнего слоя, кожуры, чешуи и т.п.': *чистить апельсин, картошку, рыбу.*

Русскому глаголу *чистить*, по данным переводного словаря, в немецком языке соответствует как минимум шесть лексем:

- чистить*₁ 'putzen' (mit der Bürste)
 'scheuern' (das Geschirr)
 'reinigen' (die Kleider)
 'striegeln' (ein Pferd, das Fell)
 'abschuppen' (einen Fisch)
*чистить*₂ 'schälen' (die Früchte)

Польские лексические соответствия также нельзя признать однозначными – пользуясь словарями, мы насчитали шесть лексических соответствий русского *чистить*:

- чистить*₁ 'czyścić' (konia, obuwie, odzież, dywan, zęby)
 'oczyszczać' (drogę)
 'myć' (zęby)
 'obierać' (ubranie z pierza)
*чистить*₂ 'skrobać' (kartofle, marchew, rybę)
 'obierać' (jabłka, kartofle, jajka)

⁵ А.К. Киклевич, *Неопределеннозначность в зеркале сопоставительной лингвистики*, [в:] *Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратурназнаўства, культуралогія. Матэрыялы V міжнароднай навуковай канферэнцыі*, Віцебск 2000, с. 57–59.

Если русскому *чистить*₁ в немецком языке соответствует пять, а в польском четыре разных глагола (в других языках можно насчитать и большее количество таких соответствий), то не означает ли это, что значение русского *чистить*₁ в словарном описании чрезмерно обобщено, а в действительности – в соответствии с разными объектами, инструментами и способами очистки – следовало бы выделять не одно, а четыре, пять, а то и больше значений *чистить*₁? Такой подход имел бы определенную опору в „здравом смысле”, ведь совершенно ясно, что *чистить* зубы и *чистить* костюм – не совсем одно и то же. То же касается и глагола *стирать*: выражение *перестирала все белье* будет интерпретироваться по-разному в зависимости от того, идет ли речь о ручной или машинной стирке. Словари этого различия не отражают: *стирать* истолковывается как ‘мыть мылом или с другим моющим средством одежду, белье’. Глагол *мыть* в свою очередь описывается как ‘очищать от грязи водой или водой с мылом, а также какой-либо другой жидкостью’, способ же и средства очистки – часто весьма существенные с „практической” точки зрения – остаются „за кадром”.

„Клонирование” значений по образцу иноязычных эквивалентов было бы, однако, неприемлемым: во-первых, один язык при этом ставится в зависимость от другого, каждое новое сопоставление сулит расширение области значения; во-вторых, при таком подходе описание вряд ли осуществимо „технически” – в силу значительного варьирования референциальной семантики слова.

Таким образом, толковые и переводные словари культивируют, в сущности, два противоположных принципа описания: в толковых словарях игнорируется референциальное многообразие в рамках одного и того же понятийного значения, которое (многообразие) отражается при передаче иноязычных эквивалентов слова. Но переводной словарь не содержит концептуальной информации об этих эквивалентах, используя лишь метод экзemplификации, который не всегда „срабатывает”: ссылка на группу прототипных представителей соответствующей семантической категории может оказаться недостаточной. Так, польский эквивалент русского *чистить*₁ глагол *oczyszczać* сопровождается пометой в скобках: *oczyszczać (drogę)*. Для реципиента это является прототипным указанием на определенную семантическую категорию (класс предметов); предполагается, что реципиент принадлежит к тому же культурному сообществу, что и автор словаря, а поэтому легко восстановит

недостающую концептуальную информацию. Но здесь как раз тот случай, когда (если использовать формулу Э. Бенвениста) очевидное не подтверждает своей очевидности. Во-первых, какая категория стоит за польским существительным *droga*? Может быть, категория „место передвижения”, а может быть – „часть рельефа”. Во-вторых, какой польский эквивалент должен выбрать пользователь для выражения *чистить колодец*, или *чистить болото*, или *чистить пруд*?

Лексико-семантические эквиваленты в разных языках соотносятся с одним и тем же значением, но если в группе эквивалентов одного языка (*czyścić, oczyszczać, myć, obierać*) имеются семантические различия, то это значит, что определение значения должно быть построено по такому принципу, чтобы в нем отражались, с одной стороны, общие, неустранимые дескриптивные признаки, с другой стороны, переменные признаки, появляющиеся в контексте и обуславливающие множество иноязычных лексических соответствий. В случае глагола *чистить*₁ таким инвариантом могла бы быть дефиниция:

- X чистит*₁*Y* = ‘X механически воздействует на Y;
 X воздействует на Y с целью сделать его чистым;
 Y является твердым предметом;
 X воздействует на внутреннюю или внешнюю часть Y в зависимости от того, какая часть Y в соответствии с нормой или в соответствии с ситуацией является загрязненной;
 X использует такой способ и такие средства воздействия на Y, которые зависят от природы Y, а также от природы тех объектов, которые необходимо удалить с поверхности Y;
 X может воздействовать на Y используя воду или другие жидкости, которые при этом являются дополнительным средством достижения эффекта’.

Одну из интересных версий инварианта лексического значения предлагает И. К. Архипов. Он пишет: „[...] Между единицами системы языка (морфемами и лексемами) и их речевыми реализациями (алломорфами и аллолексами) нет зеркальных отношений [...]. Лексико-семантическая система языка в действительности состоит

из инвариантов, »из абстракций«, а не »из того же, из чего состоит речь« – из конкретных экземпляров»⁶.

Архипов стремится обосновать точку зрения, согласно которой переход от языка к речи, т.е. так называемая речевая актуализация языковых единиц, имеет не количественную, а качественную природу: актуализация – это не просто выбор конкретной единицы из имеющегося в языковой системе множества экземпляров: „На самом деле, очевидно, происходит »переплав« (трансляция) абстрактного содержания в содержание, соответствующее конкретным кон-ситуациям, входящим в открытые множества [...]. Инварианты – достаточно размытые абстракции, и их достаточно конкретные реализации на уровне речи составляют два принципиально разных уровня единой системы речемыслительной деятельности”⁷.

Подчеркивая качественное различие между единицами языка и речи, Архипов критикует точку зрения, в соответствии с которой языковой инвариант той или иной единицы отождествляется с основным вариантом, наименее обусловленным контекстом. Инвариантом значения слова у Архипова выступает лексический прототип. Исходя из предпосылки о речевой вариативности алломорфов и аллолексов, Архипов постулирует инвариантный характер их языковых соответствий – морфем и лексем: „Лексический прототип (ЛП) включает коммуникативно значимые узуальные категориальные и дифференциальные признаки, минимально необходимые для идентификации предмета (понятия). Признаки, входящие в ЛП, примитивны и не могут быть выведены один из другого. Поскольку ЛП представляет собой содержательное ядро слова, он выводится с учетом всех значений и является семантическим инвариантом”⁸.

Так, лексический прототип русского *зима* определяется как ‘время года, в течение которого удерживается самая холодная погода’. В английском языке соответствующее существительное *winter* многозначно: а) ‘самый холодный сезон года’, б) ‘год’, в) ‘заключительный период жизни, период распада, деградации и т.д.’.

---

⁶ И.К. Архипов, *Лексический прототип, лексема и отношение языка и речи*, [в:] *К юбилею ученого. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Е. С. Ку-бряковой*, Москва 1997, с. 23–28.

⁷ *Ibidem*, с. 28.

⁸ *Ibidem*, с. 25.

Лексический прототип, который представляет собой содержание лексемы *winter*, является инвариантом этих трех значений: ‘холодная пора года; время, когда нарушается нормальный ход событий’. Архипов подчеркивает: „[...] Именно этот пучок минимальных признаков, а не первое значение осмысливается как представитель лексемы и концептуальной системе языка, а в речи он представлен словом. Тогда все значения, включая первое (главное), предстают как равностатутные, поскольку они в равной степени производны от ЛП”⁹.

Если сама идея лексического прототипа как инварианта значения слова продуктивна, вне сомнения, то предлагаемые Архиповым конкретные решения представляются спорными. Хотя изначально постулируется абстрактный характер лексического прототипа, но на практике он выводится из механического суммирования нескольких семантических признаков (как в примере с существительным *winter*), либо и вовсе совпадает с одним из значений. Последнее имеет место при определении прототипа англ. *limb* = ‘член’ (всего насчитывается пять значений этого слова). Архипов пишет, что лексический прототип совпадает с пятым значением ‘часть строения, устройства, организации чего-л. (моря, креста и т.д.)’. Такая интерпретация лексико-семантического инварианта не может быть признана удовлетворительной, потому что между вариантом и инвариантом нет принципиальных качественных различий.

Вряд ли можно согласиться с утверждением Архипова о том, что лексико-семантический инвариант „выводится с учетом всех значений” [разрядка моя. – А. К.]. Требование полного охвата значений некорректно уже в силу такого свойства знака, как его „бесконечная семантическая валентность”, о которой писал А. Ф. Лосев. „Всех” значений слова, с учетом многообразия едва отличимых нюансов и оттенков, скорее всего, нельзя ни исчислить, ни записать списком – именно по причине его непрерывного семантического варьирования. Каждое слово многозначно или потенциально многозначно, причем далеко не всегда можно предсказать, в каком направлении пойдет развитие семантики той или иной единицы¹⁰.

---

⁹ Ibidem, с. 26.

¹⁰ О.В. Раевская, *О дискурсивных свойствах метонимии* [в:] *Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Материалы докладов Международной конференции*. ч. 1, Минск 1998, с. 67.

Думается, что Архипов, концентрируя внимание на значениях, которые зафиксированы в толковом словаре, недостаточное внимание уделяет семантическим окказионализмам, которые чрезвычайно важны для раскрытия инвариантного семантического потенциала слова. Динамические отношения между планом содержания и планом выражения в синтаксисе имеют весьма распространенный и регулярный характер: „В целом использование синтаксических моделей предложения характеризуется нередко множественной асим-метрией, при которой в пределах данного круга форм и значений любая форма может быть использована для выражения любого значения и любое значение может выражаться любой формой”¹¹.

Окказиональным употреблением существительных, прилагательных и наречий посвящена серия работ Нормана¹². Автор приводит и анализирует разнообразные примеры лексико-семантических окказионализмов, ср.:

трикотажные подробности = ‘подробности сферы интимной жизни, связанные с дамским бельем, изготавливаемым обычно из трикотажа’

парусиновые ноги = ‘ноги в парусиновых брюках’

очередь на Ягодина = ‘очередь желающих участвовать в прениях по обсуждению кандидатуры Ягодина’

остановиться на светофоре = ‘остановиться на перекрестке перед светофором’

¹¹ В.Г. Гак, *О семантическом инварианте и синонимии предложения*, [в:] *Вопросы романо-германской филологии*, Вып. 112: *Синтаксическая семантика*, Москва 1977, с. 49.

¹² Б.Ю. Норман, *Апология поверхностного синтаксиса*, „Russistik” 1993, № 2, с. 6–14; idem, *Между лексикой и синтаксисом (к семантике относительных прилагательных)*, [в:] *Сборник от научните трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев*, София 1993, с. 98–109; idem, *О конструкциях с эмфазой именного сказуемого: фрагмент русско-болгарского сопоставительного синтаксиса*, „Съпоставително езиковзнание” 1993, XVIII, Кн. 2–4, с. 145–148; idem, *Тенденции в развитии качественных наречий в белорусском и других славянских языках*, [в:] *Beiträge zur Slawistik. 2. Aktuelle Entwicklungsprobleme slawischer Sprachen*, Greifswald 1995, с. 108–121; idem, „Скорости оставляют позади катера?” *О логике естественного языка*, „Русская речь” 1996, № 6, с. 24–28; idem, *Понимание текста и синтаксическая „предыстория” высказывания*, [в:] „Russian Linguistics” 1998, № 22, с. 1–12.

квадрат = ‘квадратный метр площади’

Регулярность, с которой возникают семантические окказионализмы, свидетельствуют о том, что мы имеем дело с закономерным, системно программируемым процессом, особенность которого состоит в том, что окончательное формирование лексической семантики языковой единицы происходит в речи. Так, сочетание *обидеться из-за конфет* могло бы интерпретироваться как ‘обидеться из-за чего-то, связанного с конфетами’, конкретизация же этого общего значения – в виде ‘обидеться из-за того, что не досталось конфет’ или ‘обидеться из-за того, что конфеты были плохие’ и т.д. – осуществляется в контексте¹³.

Поскольку, как свидетельствуют многочисленные факты, слово зачастую лишь «намекает» на связи между предметами, его толкование должно сводиться только к указанию факта такой связи и не более. Так, с учетом многообразия окказиональных значений относительное прилагательное *трикотажный* могло бы быть описано как ‘имеющий отношение к трикотажу’. Но Норман отрицает целесообразность такого описания: „Дело в том, что толкование прилагательного по типу ‘имеющий отношение к *X*’ (где *X* – семема, названная производящей основой) оказывается чрезмерно широким и потому бесплодным, непригодным к практическому применению [...] »Предельно обобщенное значение« оказывается на поверку умозрительной абстракцией, не соответствующей ни одному реальному контексту»¹⁴.

Из сказанного следует, что языковое значение должно быть „конкретным” и соответствовать определенному „реальному контексту”. Но такая трактовка, заметим, нарушала бы качественный (эквивалентный) характер оппозиции языка и речи. Ведь от предложения не требуется соотносимость с конкретной ситуацией – эта характеристика относится к высказыванию как единице речи.

Уже А. В. Исаченко обращал внимание на то, что при описании лексических значений следует учитывать качественные различия языка и речи. Так, он писал, что существительное *дядя* толкуется в словарях как ‘брат отца’, ‘брат матери’, но и как ‘муж тетки’, ‘двоюродный брат отца или матери’, как ‘муж двоюродной сестры

¹³ Б.А. Норман, *Апология...*, с. 11.

¹⁴ Б.А. Норман, *Между лексикой а синтаксисом...*, с. 101.

отца или матери'. С каким количеством знаков мы имеем здесь дело: с одним или несколькими, (каждый из которых соответствует отдельному лексическому значению)? В словарях слово *дядя* не разбивается на омонимы: 'брат отца' и 'муж тетки' толкуются как два значения одного и того же слова. Но ведь это, подчеркивает Исаченко, отнюдь не одно и то же! Он пишет: „Дело, по-видимому, в том, что »брат отца«, »брат матери«, »муж тетки« и т.п. являются лишь частными проявлениями какого-то более общего значения [...]. Значение (десигнат знака) должно быть постоянным, или инвариантом”¹⁵.

Исаченко ищет именно это инвариантное значение существительного *дядя*. Предлагаемое им определение таково: 'мужской член семьи, относящийся к поколению родителей, но не являющийся прямым родственником по восходящей линии'. Исаченко подчеркивает: „Приводимые в словарях »значения« (»брат отца«, »брат матери«, »муж тетки«) являются лишь частными случаями выявления этого инвариантного значения. Как видно, »значение« знака *дядя* чисто реляционно [разрядка моя. – А. К.]”¹⁶.

Б. Ю. Нормана, впрочем, интересует не лексико-семантический, а синтаксический аспект многозначности, в чем, собственно, и ценность его подхода, хотя уже в 80-е годы с теорией синтаксической интерпретации полисемии выступил Е. Л. Гинзбург¹⁷. В механизме формирования метонимических конструкций типа *трикотажные подробности* Норман усматривает действие процесса синтаксической аналогии. По его мнению, произнося выражения типа *очередь на Ягодина*, говорящий „прибегает к усвоенному языковому шаблону – ведь в нашей языковой памяти уже заложены словосочетания вроде *очередь на квартиру* (т.е. »на получение квартиры«) или *очередь на телефон* (т.е. »на установку телефона«) и т.п.; это готовые конструкции поверхностного синтаксиса”¹⁸. „Что же касается разной степени их сложности в плане глубинного синтаксиса, говорящего и слушающего сие не касается: они оперируют данными

---

¹⁵ А.В. Исаченко, *О грамматическом значении*, „Вопросы языкознания” 1961, № 1, с. 33.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Е.Л. Гинзбург, *Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия*, Москва 1985.

¹⁸ Б.А. Норман, *Апология...*, с. 11.

конструкциями в готовом виде”¹⁹. „[...] Конструкции, появившиеся в тексте в результате определенных речедейательностных процессов, становятся для носителя языка основой для непосредственных аналогий, образцами при построении очередных высказываний [...]. Как сами эти – речевые – образцы, так и их регулярные преобразования (трансформации) принадлежат поверхностному синтаксису”²⁰.

Синтаксическая аналогия, о которой здесь идет речь, носит формальный, морфологический характер:

очередь на получение
на установку
на квартиру
на телефон
на Ягодина. и т.д.

Она представляет собой экземпляр виртуального бесконечного подключения словоформы с заданными грамматическими параметрами, в данном случае – [*Praep_{на}* + *S_{Acc}*]. Аналогия позволяет словоформе занять в структуре высказывания соответствующую синтаксическую позицию. Но не более! Аналогия не объясняет, почему и как выражение *очередь на квартиру* семантически отличается (и отличается ли вообще) от выражения *очередь на Ягодина* – она выступает как обоснование того, что конструкция допустима, парадигматика дает синтагматике зеленый свет. Но, во-первых, парадигматика в определенной степени производна от синтагматики, что убедительно показали представители „синтагматического структурализма” (Р. Ф. Микуш и др.). Во-вторых, зеленый свет – еще полдела, надо знать, куда ведет дорога, т.е. каким содержанием обернется для говорящего заполнение синтаксической позиции словоформой с новым лексическим значением. А эту содержательную сторону полисемантов синтаксическая аналогия как раз и не объясняет.

Игнорирование семантического аспекта языковых выражений с полисемантами искажает реальную динамическую картину языкового функционирования, а речевой субъект предстает как механическая кукла, способная лишь тиражировать структурные схемы.

¹⁹ Б.А. Норман, *Между лексикой а синтаксисом...*, с. 105.

²⁰ Б.А. Норман, *Понимание текста...*, с. 8.

Возникновение синтаксических конструкций по аналогии, а также их семантическая интерпретация в значительной степени обусловлены системой неязыковых знаний субъекта – тем, что под влиянием современной когнитологии принято называть инференциями. Именно благодаря инференции получают содержательную наполненность метонимические конструкции²¹, ср.:

Я люблю Стендаля = ‘Я люблю читать книги Стендаля’.

Я люблю Моцарта = ‘Я люблю слушать музыку Моцарта’.

Я люблю море = ‘Я люблю отдыхать на море’.

Я люблю яблоки = ‘Я люблю есть яблоки’.

Я люблю молоко = ‘Я люблю пить молоко’.

Видимо, понимая, что при описании семантических окказионализмов синтаксической аналогией удовлетвориться нельзя, Норман предусматривает также иные возможности синтаксической интерпретации полисемантов. Одной из таких интерпретаций выступает операция стяжения синтаксической структуры высказывания: благодаря устранению некоторых компонентов, словоформа меняет свою позицию, причем таким образом, чтобы оказаться поближе к вершине дерева зависимостей – глагольному предикату (коммуникативно-психологическая основа этого процесса – перемещение лексической единицы в центр фокуса внимания). Именно так рассматриваются Норманом языковые выражения с нарушением закона единства основания, согласно которому „мы должны иметь дело с однородными (то есть относящимися к одному уровню обобщения) и одноплановыми (то есть относящимися к одной сфере) сущностями”²². В выражениях типа: *Цвет платья напоминал спелую вишню* сопоставляются разнотипные и разнородные понятия, а именно – признак (*цвет платья*) и предмет (*спелая вишня*). Если бы выражение было построено по правилам логики, оно бы имело вид: *Цвет платья напоминал цвет спелой вишни* или *Платье своим цветом (по цвету) напоминало спелую вишню*.

Несмотря на смысловое противоречие, подобные языковые выражения встречаются в речи довольно часто, что и дает Норману право сделать общий вывод: „У языка своя логика, свои основания для тех операций, которые производятся со знаками в речевой

²¹ О.В. Раевская, *op. cit.*, с. 68.

²² Б.А. Норман, *Скорости оставляют позади катера?...*, с. 24.

деятельности [...]. Принципы формальной логики сталкиваются в языке с другими правилами – семиотики и семасиологии, синтаксиса и стилистики. Так рождается особая – нежесткая – логика языка, допускающая значительно более »мягкотворую« трактовку лексических множеств и операций с ними»²³.

Высказывание *Цвет платья напоминал спелую вишню* возникает в результате сокращения высказывания с более развернутой синтаксической структурой: *Цвет платья напоминал цвет спелой вишни*. Норман считает, что слово, сохранившееся в результате сокращения фразы (например, *вишня* вместо *цвет вишни*), „обогащается, как бы впитывает в себя значения своих »менее удачливых коллег« – исчезнувших слов”. Но обратим внимание: если словоформа *вишню* означает *цвет вишни*, то предложение имеет смысл ‘Цвет платья напоминал цвет спелой вишни’, а значит, нарушения логики нет. Если же в высказываниях типа *Цвет платья напоминал спелую вишню* усматривать логическую ошибку, то нельзя утверждать о смысловом тождестве полного и сокращенного вариантов высказывания. Как видим, апология поверхностного синтаксиса, а прежде всего – игнорирование семантического и прагматического компонента речевых процессов, создает неразрешимые парадоксы.

Мы предлагаем альтернативное решение: следует признать, что формальное сокращение высказывания приводит к изменению его содержания – оно становится более обобщенным. Это вполне естественно, ведь из предложения устраняется часть его лексического состава и передаваемая информация становится менее полной и менее конкретной. Именно поэтому сокращение фразы сознательно используется при дефиците информации или в ситуациях, когда в излишней детализации нет необходимости (эффект синекдохи), ср.:

С вами будет говорить Зауральск = ‘С вами будет говорить кто-то (не могу точнее конкретизировать) из Зауральска’.

Лена пошла на Петрова = ‘Лена пошла, чтобы принять участие в событии, к которому имеет отношение Петров / с участием Петрова’.

Кто-то из читателей возразит: произнося высказывания вроде *Лена пошла на Петрова*, мы всегда имеем в виду не какое-то

---

²³ Ibidem, с. 25-28.

абстрактное „событие с участием Петрова”, а совершенно конкретную ситуацию: доклад Петрова, концерт Петрова и т.д. (возможны и иные интерпретации: Лена пошла на улицу Петрова, Лена пошла с оружием на Петрова). Именно так! Но эта конкретная информация находится уже вне языкового высказывания – она обусловлена общими обстоятельствами коммуникации и общими знаниями о мире, которые объединяют говорящего и слушающего и которые обусловлены их принадлежностью к одному и тому же культурному сообществу.

Допустим, в разговоре о начале концертного сезона в филармонии вы, имея в виду известного пианиста, спрашиваете: *А ты пойдешь на Петрова?* В этом случае действует принцип компенсации: сокращенная форма высказывания как раз обусловлена тем, что собеседник осведомлен, о каком Петрове и о каком событии с участием Петрова идет речь. И внутреннюю форму (мотивировку), и отчасти смысл языкового выражения в подобных случаях надо искать за пределами языка.

Компенсаторную функцию может выполнять не только речевая ситуация или энциклопедические знания партнеров по общению, но и само высказывание. В предложении *Цвет платья напоминал спелую вишню* эта функция возлагается на существительное *цвет*: употребив его однажды (как характеристику платья), говорящий определяет тему сообщения. В нормальном общении заданная тема некоторое время сохраняется в течение разговора, поэтому дублирование существительного *цвет* не обязательно: умолчание здесь равнозначно подтверждению того, что говорящий не отклоняется от темы. Таким образом, высказывание *Цвет платья напоминал спелую вишню* может быть истолковано: ‘Цвет платья напоминал по уже упомянутому признаку спелую вишню’ или ‘Цвет платья благодаря упомянутому признаку вызывал представление о спелой вишне’.

В лингвистических исследованиях последнего времени отдается предпочтение дискурсивному подходу, который при описании языка учитывает значимость экстралингвистических факторов речевой коммуникации: обстановки и сцены, намерений участников диалога, апперцептивной базы как совокупности знаний и установок коммуникантов, пресуппозиций, имплицатур и др. Дискурсивная природа языка проявляется в том, что он в обобщенном виде программирует потенциальное употребление системно организованных

единиц разного формата. В речи это обобщенное содержание конкретизируется с учетом лексического состава высказывания, контекста и конституции. В известной сказке А. Н. Толстого черепаха Тортилла дает Буратино золотой ключик, но заветную дверь Буратино должен отыскать и открыть сам. Нечто подобное наблюдается и в речевой деятельности: с помощью языковых форм говорящий только намекает на смысл, который в полном объеме устанавливается адресатом сообщения с опорой на ситуацию и контекст.

Актуализация номинативного знака в речевом акте подчиняется принципу ассоциации: языковой знак не имеет фиксированного, единственного объекта номинации, напротив – его значением охватывается множество материальных или концептуальных объектов, которые ассоциативно связаны между собой. Номинативная функция, таким образом, состоит в том, что знак соотносится с нежестким множеством объектов, ассоциативно связанных друг с другом. Именно поэтому (позволим себе в очередной раз воспользоваться примером Б. Ю. Нормана) существительное *квадрат* может обозначать и ‘геометрическую фигуру’, и ‘квадратный метр жилой площади’.

В содержании языкового знака всегда имеются потенциальные признаки, которые могут проявляться в виде семантических окказионализмов. Ср. пример из разговорной речи:

Жена (мужу). *Помнишь, раньше были такие охотничьи салаты?..*

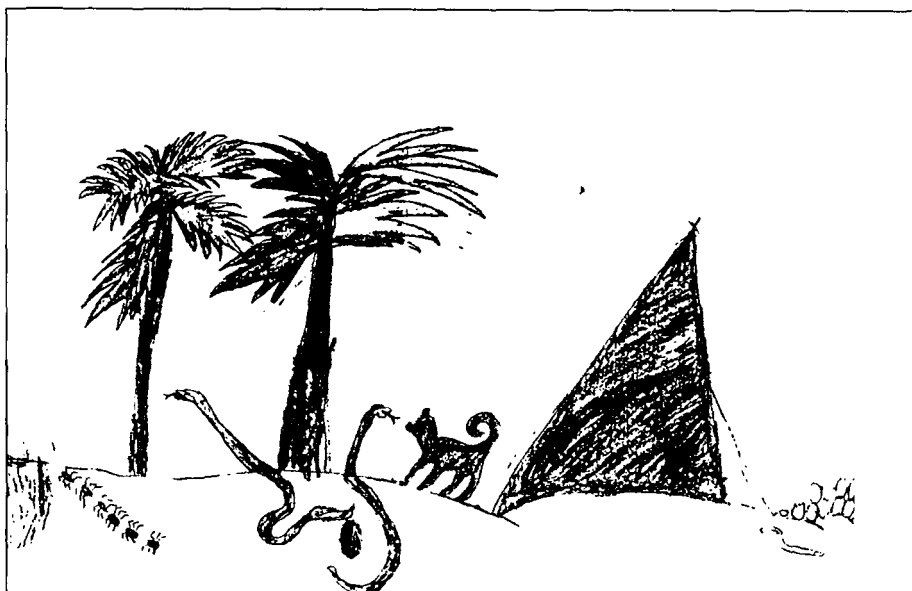
Дочка (6 лет). *Они что — из охотника сделаны?..*

Окказиональное толкование выражения *охотничий салат* как ‘салат, сделанный из охотника’ (по аналогии с *рыбный салат* = ‘салат, сделанный из рыбы’) вполне соответствует тому принципу, который мы описали выше и который действует в шуточном *Этимологическом словаре* Б. Ю. Нормана и коллег²⁴. Окказиональные толкования *водитель* = ‘ороситель’, *графин* = ‘муж графини’, *дворянка* = ‘порода дворовых собак’, *земляк* = ‘червяк’, *исправник* = ‘слесарь-сантехник’ и др., которые оказываются массовыми и охватывают значительный массив лексики, – с одной стороны, выглядят как филологическая шутка, лингвистическое „хулиганство”, но, с другой стороны, это вполне естественное развитие

²⁴ Б.Ю. Норман, *Язык: знакомый незнакомец*. Минск 1987, с. 207-221.

того семантического потенциала слова, который заложен уже в системе языка.

Ассоциативный принцип вообще довольно характерен для интеллектуальной, в частности, творческой деятельности человека.

Этот детский рисунок называется „В пустыню приехали люди с собакой”. Хотя в названии рисунка есть слово *люди*, но людей – непосредственных носителей выражаемого этим словом признака, на рисунке нет. Зато есть палатка и собака – предметы, с которыми человек в рамках возможного мира „Природа” имеет сильную ассоциативную связь.

Итак, слово как номинативная единица языка характеризуется неопределеннозначностью, поэтому даже в тех случаях, когда лексическое значение опирается на внутреннюю форму, т.е. функциональная (номинативная) характеристика знака зависит от его структурной характеристики, о полном тождестве значения и мотивировки говорить нельзя. Если внутреннюю форму, например, слова *трикотажный* можно представить как ‘имеющий отношение к трикотажу’, то его лексическое значение должно включать также дополнительный прагматический компонент, указывающий на способ конкретизации этого базового признака в дискурсе: ‘имеющий отношение к трикотажу, такое, которое является нормой/стандартом для данного предмета, данного культурного сообщества или данного контекста/дискурса’. Конечно, здесь возникает проблема выбора носителя нормы или проблема приоритета определен-

ного типа норм. На этот вопрос пока трудно ответить, но нет сомнений, что иерархия норм (индивидуальных – конвенциональных, ситуативных – конститутивных и т.д.) представляет собой одну из важных и интересных задач современной лингвистической семантики, прямо связанных с проблемой описания значений.

Streszczenie

Prototyp leksykalny, okazjonalizmy semantyczne i niedookreślenia

W artykule na materiale współczesnego języka rosyjskiego badane jest zjawisko semantycznego niedookreślenia (niekompozycjonalności) znaków językowych różnego formatu – morfemów, leksemów, zdań. Opierając się na koncepcji niezdeteminowania znaku językowego V. V. Martynova, autor zwraca uwagę na konfrontacyjny aspekt tego zjawiska oraz związane z nim komplikacje opisu znaczeń w słownikach opi-sowych i dwujęzycznych. Wiele uwagi poświęca się istniejącym lingwistycznym modelom eksplikacji zjawiska niedookreślenia w gramatyce oraz semantyce leksykalnej, przede wszystkim koncepcji prototypów leksykalnych I. K. Archipowa oraz składni dynamicznej B.Ju. Normana. Autor proponuje własną teorię nieokreśloności semantycznej, uwzględniającą otwarty, synergiczny charakter komunikacji językowej oraz zasadę minimalnego działania.